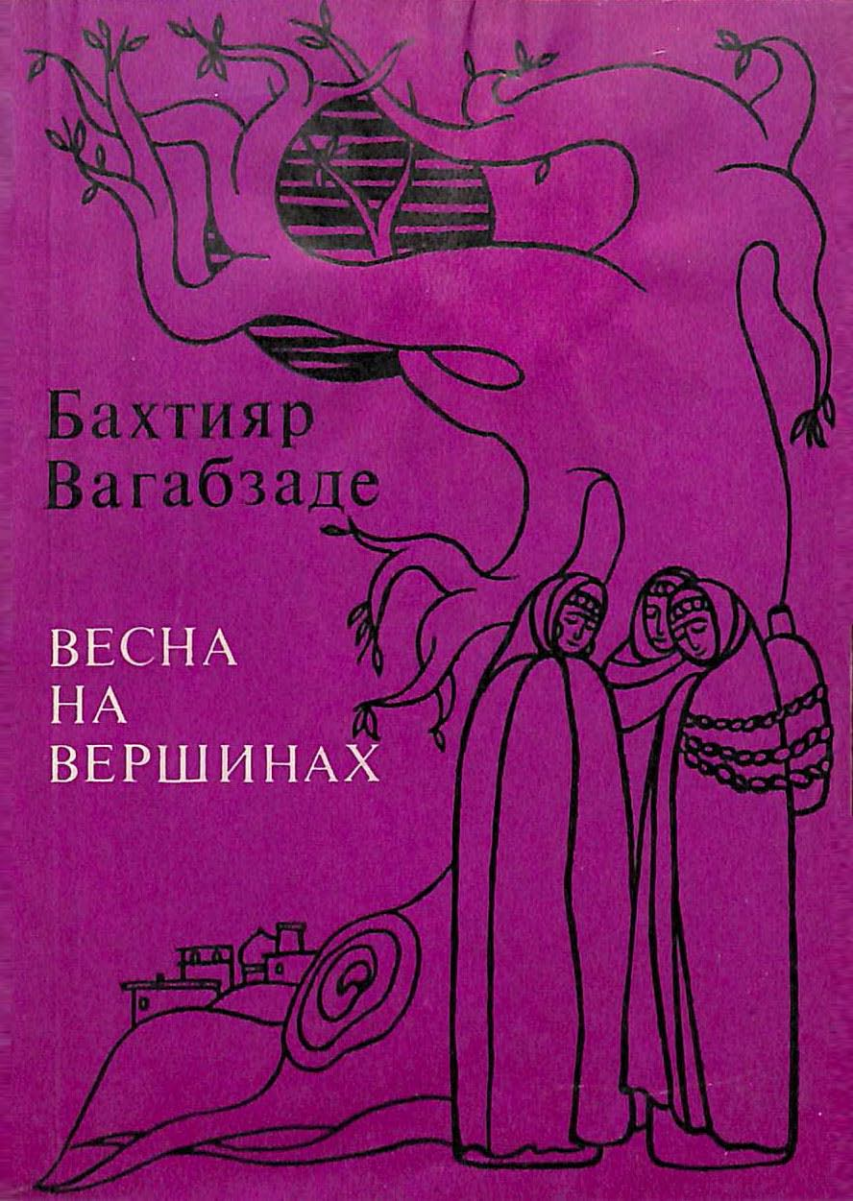

A stylized black and white line drawing on a light background. At the top, a large, gnarled tree trunk forms a face-like shape. Inside the 'eye' of the face is a circle with horizontal lines. Below the face, three figures in traditional robes and head coverings stand together. The figure on the right carries a large bundle on their back. In the bottom left corner, there is a small cluster of buildings and a circular spiral motif.

Бахтияр
Вагабзаде

ВЕСНА
НА
ВЕРШИНАХ

Бахтияр Вагабзаде

*

ВЕСНА НА ВЕРШИНАХ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с азербайджанского

M.F.Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Москва

1974

Предисловие
Л. А. Озерова

Оформление художника
М. Худатова

ВЕЧНОСТЬ И МГНОВЕНЬЕ

На пестрых улицах Баку, на широком приморском бульваре — множество примечательных лиц, останавливающих мое внимание. Среди осанистых среброголовых старцев и молодых людей с пышными, падающими на плечи кудрями мне надо отыскать одного незнакомца. По фотографиям это сделать невозможно: клише и ретушь искажают черты человека.

Не верьте моим фотографиям,
Верьте моим стихам, —

советует нам Илья Сельвинский. Мудро! И я обращаюсь к стихам человека, о котором здесь пишу. И я читаю их и перечитываю, и мое отношение к ним обретает свои формы.

По каким особым приметам я узнаю Бахтияра Вагабаде и отличаю его от других, милых моему сердцу азербайджанцев и неазербайджанцев?

Для того чтобы ответить на этот вопрос, уместно провести аналогию между внешностью и внутренним миром поэта.

В миниатюре «Зрение» сказано об очках, которые нужны близорукому, хотя и без них видно, что юность уходит. Острым было некогда зрение, но, увы, не хватало умения за внешним лоском разглядеть в предмете суть.

Путь Бахтияра Вагабаде — от внешнего к сути. От книги к книге идет все более пристальное постижение причин и следствий. Идет борьба за смысл. За смысл без утраты поэтической глубины. Бахтияр Махмуд оглы Вагабаде родился в 1925 году

В 70403—096
028(01)—74 119—74

© Переводы Л. Шерешевского. Издательство «Художественная литература». 1974 г.

в Нухе. Он прошел долгий путь обучения в Баку. В настоящее время он доктор филологических наук, профессор Азербайджанского государственного университета, автор многих книг, стихов, поэм, драм, исследований. Стихи поэта вошли в программы школ. Его имя — в учебниках, а произведения — в хрестоматиях. Замеченный и отмеченный Самедом Вургунем, поэт верен заветам своего учителя.

На русском языке вышло шесть книг Бахтияра Вагабзаде. Настоящая книга является в известной мере итоговой. Это избранные стихотворения в просмотренных и заново сделанных специально для этого издания переводах.

Не так просто и легко жить и работать в литературе, в которой жили и работали Низами и Насими, Физули и Вагиф, Ахундов и Сабир. Не обязательно денно и ночно стоять перед ними на коленях и расшибать лоб в поклонах. Достаточно помнить о них и видеть их в качестве вершин не за спиной, а перед глазами. Бахтияр Вагабзаде с почтением относится к традиции. Но он отлично понимает, что почитать традицию это — одновременно — развивать, в поисковых целях нарушая ее и даже отрицая. Без этого не пробиться к новаторству. Бахтияр Вагабзаде знает меру соотношения старого и нового. Вернее — чувствует эту меру. Он и здесь показывает себя поэтом напряженно и беспокойно мыслящим.

Это видно по стихам и поэмам, по драматургии, по литературоведческим работам, и среди них прежде всего по главной — о творческом пути Самеда Вургуня. Осмыслить многовековой путь своей литературы — это в значительной степени осмыслить исторический путь своего народа.

Как сработать стих, имеющий долголетие и запасы нежной прочности? Как соединить современность с вечностью? Это все проблемы, всегда занимавшие поэтов. Несть числа написанным об этом строкам.

Пусть долголетие
не дано поэту —
важнее долголетие
стиха.

Так возникает тема соотношения жизни и творчества. Дается их единство. И дается их контраст, а Бахтияр Вагабзаде любит вести тему сквозь противоречия, сквозь противопоставления: покой и беспокойство, самозабвение и бдительное внимание, день и ночь, свет и тень, дружба и разобщенность.

Постоянное внимание к диалектике жизни, поэзии, труда, любви делает поэзию эту чуткой, настороженной, взыскательной и взыскующей. Автор свидетельствует: «Чувствую вращение земли». Он постигает карту неба и карту своего рабочего стола. Он ловит сигналы, поступающие из вселенной, и «сигналы собственного сердца». И поэт понимает, что подчас

Куда труднее, чем в эфире,
Понять, что слышится в душе
Или на том же этаже
В душе соседа по квартире...

Мысль проста. Поэт ратует за понимание человеком другого человека. Зона человеческого общения очень волнует нашего автора. Он влюблен в астрономию, в мировое пространство, в океан вселенной. Поэзия овладевает скоростью и высотой. Но справляется ли она с близкими дистанциями, с тем, что рядом, бок о бок?

Далекое доступно нам,
Почувствовать близких бы да ближних!

Важная мысль, уместное напоминание. К этому поэт пришел не сразу, но естественно. Далекое он сделал близким. Но не надо же отдалять близкое.

Земля! Земля! Мы дальность всякой цели
Соизмеряем с близостью земли.

Поэзия Бахтияра Вагабзаде — это поэзия поиска верных духовных ориентиров. Одни стихи могут быть сильнее, другие слабей, но сквозь всю их массу ярко прочерчивается линия этого поиска. Мы получаем своего рода азербайджанский вариант фаустианства. «Остановись, мгновенье!» — эти гетевские

слова, вероятно, могут набрать наибольшее количество очков по попаданию в эпиграфы. Не удержался и наш поэт, взяв их в качестве эпиграфа к стихотворению «Баллада о времени». Вечность и мгновенье... Как нам их связать? Если уж невозможно их связать и уберечь, то не ухватиться ли нам за работу, за дело, за творчество, «как за соломинку». Ценная инициатива, продуктивная мысль, как у нас говорят. Вероятно, автор наш прав. Но он идет дальше и раздвигает рамки проблемы: как прожить жизнь? Заниматься ли собою и постоянно думать о том, что тебе людьми недодано, или отдавать себя, свои силы и знания другим людям и помнить, что ты их вечный должник и тобою им недодано так много? Как жить: следить за своими настроениями, как за движущимися тенями облаков, или, как говорил Маяковский, «сердце отдать временам на разрыв» и постоянно держать руку на пульсе планеты?.. Так проблема времени оборачивается проблемой своевременности и современности.

У Бахтияра Вагабаде есть выразительное стихотворение «Два путника». Один путник — созерцатель, пассажир, потребитель. Другой — пешеход, искатель, боец. Сопоставление двух образов жизни, двух путников позволяет поэту сказать:

Что смертен человек, мы от рождения знаем,—
По-разному придет к двум путникам конец:
Один покинет мир, как вдумчивый хозяин,
Другой покинет мир, как временный жилец...

Этот важный для Бахтияра Вагабаде образ проходит через всю его поэзию. Он воспекает людей поиска, целеустремленных, безраздельно отданных любимому делу,— будь то Галилей или нефтяник, будь то каменщик или Рафаэль. О последнем поэт говорит: «подмешивал он в краски сердце, пока его не исчерпал». Люди героической складки, рыцари ума и сердца, сгоревшие от любви и страсти, побеждают королей и кардиналов, министров и царедворцев, которые стоят в Пантеоне, и «меркнет слава их ничтожеств перед величием Его», то есть — перед величием того же Рафаэля.

Поэт любит контрастное письмо, светотеневую манеру. Святой прах имама Гусейна влечет паломников: здесь собраны сокровища — золото, рубины, бриллианты. Великолепие мертвого и нищета улицы... Эта улица, «босая, стоит у входа, руку протянув». Гусейну все несут и несут дары, и он берет их.

Он лишь берет,
ему еще все мало.
О, странные контрасты!
Там и тут
на золоте спят мертвые имамы,
а дети их голодные бредут...

Поэт не только рисует картину, он пытается вскрыть заложенный в ней исторический смысл. Бахтияр Вагабаде много путешествует и по своим землям и по чужим и старается увидеть человека другого континента и идущего рядом друга. Этим я хочу сказать, что он не только смотрит, но и видит. Это видение художника, проникновение в суть вещей.

Лев Озеров

СТИХОТВОРЕНИЯ

МОЯ ДОРОГА

Если б тысячу раз я рождался опять,
То иного пути я б не стал выбирать,
Чем дорогу поэзии — песни и слова —
Муки творчества с радостью выбрал бы снова.

Ведь на ней мне открылся бесценнейший клад:
Стал я сердцем щедрей и душою богат.
Вслед за мною в шеренгах по этой дороге
Вдаль шагают стальные, упругие строки.

А дорога трудна:
То паденье, то взлет.
То буран, обжигая морозом, метет.
То слепят грозовые дожди и туманы.
То от острых камней ноют рваные раны.

Тем путем и ночами идешь ты без сна.
И темна и грозна над тобой крутизна.
Но дойдешь ты до цели, минуешь отроги,
Если твердо ступает нога по дороге.

Этот путь нам и радость несет и печаль.
Испытанья таит неохватная даль.
Той дорогой никто не прошел без падений,
Без страданий и счастья, борьбы и сомнений.

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИК

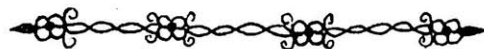
Полжизни он прожил
на этой железной дороге.
Ни в снег, ни в буран
не тушил своего фонаря.
И тысячи тысяч
глядели на свет его строгий,
Что путь указал им,
мигающим глазом горя.
Полжизни он прожил,
о жизни людей беспокоясь,
Такие полжизни,
что, может, трем жизням равны.
Вот мимо, сверкая,
пронесся грохочущий поезд,
И снова один он
среди синей ночной тишины.
Пятно фонаря желтоватое
скачет по шпалам,
А он вспоминает,
читает по шпалам года.
В поношенной форме
он выглядит старым, усталым,
Но мчатся спокойно
хранимые им поезда.

Хранимая им
долгожданная встреча влюбленных,
И радость солдата,
спешащего в отпуск к родным,
И девичья песня,
и шум поездов многотонных,
И лес новостройкам, и камень,
хранимые им.
Восход пламенеет.
Он сдал свою смену другому.
Промчавшись, как поезд,
еще одна ночь —
позади.
Фонарь потушил он,
но желтое
у окоема
Огромное солнце
у неба зажглось на груди.

1953

из сборника
* РАЗДУМЬЯ *

M.F.Axundov adına
Azərbaycan Milli
Kitabxanası

ЧИНАРА

За деревней возле яра
У ручья росла чинара.

Если в летний зной прохожий
Прятался под ней от жара,
То в зеленые ладоши
Била радостно чинара.

Как ей было не гордиться,
Если парень кареокий
Из ручья попьет водицы,
Отдохнет в тени широкой.

Здесь, в тени ветвей зеленых,
Проводили дети лето.
Сколько, сколько здесь влюбленных
Целовалось до рассвета!..

Год за годом пролетали,
И состарилась чинара,
Ветви сохли, не спасали
От полуденного жара.

Залегли в коре морщины
И иссыкли даже слезы,

Смолк и щебет соловьиный,
И приблизились морозы.

Но никто не тронул старой,
Хоть нужны дрова зимою.
Каждый думал: «Вдруг чинара
Оживет опять весною...»

Март, свирепо брови хмуря,
Выбрал ночь себе потише
И такую поднял бурю,
Что с домов слетали крыши.

Долго, долго с бурей билась,
Но не вынесла удара,
Поперек ручья свалилась,
Стала мостиком чинара.

Люди ходят через мостик,
Кто к любимой — на свиданье,
Кто к родне на праздник — в гости,
Кто в район — на заседание.

1956

ОТЕЦ И СЫН

Спросила у сестры сестренка:
— Ты печальна отчего?!
— Я своего люблю ребенка,
А мой ребенок — своего!

(Из народной песни)

— Довольно, сын!.. Себя ты пожалей!..
Ведь дров ты наколот на десять дней...
— Я не устал... Иди домой, отец...
— Да положи топор ты наконец!..
Не то с тобой на холоде стоять
Я рядом буду!..
— Можешь поступать
Как хочешь! Я топор не положу.
Пока не кончу... Слово я сдержу!..
— Но ты же можешь простудиться, сын!..
— Ну, это — разговор не для мужчин!..
И вновь упрямо топором взмахнул.
Отец вздохнул. И к дому повернул.
Но вскоре он вернулся не спеша,
С улыбкой внука на руках держа.
Сын сразу бросил в сторону топор.
— Зачем ребенка вынес ты во двор?!

Здесь холодно... Простудится он в миг!
— Вот видишь, сын,— сказал ему старик,—
Ребенка бережешь ты не шутя.
А для меня ведь ты — мое дитя!

1956

С Л О В А

Чего, ах чего только в сердце любом
не хранится!
Слова, как ключи, помогают богатствам
открыться.
Но мало порой ста ключей,
ста взволнованных слов,
Чтоб выразить чувство простое:
ну, скажем, любовь.
Слова все бессильны порой:
чувство им не подвластно!
Немеют слова,
передать нам пытаюсь напрасно
И радость ребенка,
и старца раздумья о жизни,
Земли красоту,
беспредельность небес над отчиной...
О, если б такая у слов моих сила была,
Чтоб с чувством моим
хоть немного сравниться могла!

1956

Г О Д Ы

Я помню, в детстве вымерял
Раз, может, десять в день свой рост.
И то, что был я ростом мал,
Меня тревожило всерьез.

Я подражал во всем отцу,
От старших глаз не отрывал.
Что делать бедному юнцу,
Когда он так плачевно мал!

Старался басом говорить,—
Наивной зависти пора!
Когда ж, я думал, буду брить
Свой подбородок по утрам?

Как я завидовал тому,
Кто старше был хотя б на год!
Я возмущался: почему
Так время медленно идет?..

А годы шли... а годы шли,
Скользя, как в небе облака,
Кого-то хоронить несли,
А кто-то жил еще пока.

И вдруг увидел я, что мне
Уже, увы, не двадцать лет.
Что этой ранней седине
Двигается пожилой сосед.

Теперь среди обычных дел
Не замечаю я подчас,
Как день короткий отшумел
И как закат уже погас.

Еще вчера зеленый, лист
Сегодня падает сухим,
Иссушен, сморщен и землист,
Даруя жизнь листьям другим.

И я совсем уже не тот —
Законным басом говорю,
А юный встретится народ —
С хорошей завистью смотрю.

Не то чтоб я уже устал,
Не то чтоб сердце опустело,
А просто день досадно мал,
А дела... Ох, как много дела!

А годы мчатся. Их ветрил
Не сдержат никакие стропы.
Вначале я их торопил,
Теперь они меня торопят...

1956

СЕРДЦЕ

Мне друзья говорят, что горяч
Я и мало себя берегу,
Повседневных тревог и удач
Без волненья принять не могу.

Что поделать, друзья, я — таков,
Неумолчен ведь горный поток.
Где другой отмолчаться готов,
Я строки обнажаю клинок.

Что поделать мне с сердцем моим,
Беспокойным таким?
Может, вправду поверить врачам,
Бром глотать, не писать по ночам;

Окружить себя тихим мирком
И домашние туфли надеть,
На бушующий мир за окном —
Ставни наглухо — не смотреть?

Нет! Без сердца к чему для меня
Жизнь, в которой — ни плакать, ни петь.
Никому не дано без огня
Ни гореть и ни греть!

Если сердце не верит, не ждет,
Налагая на чувство запрет,
Если день — только времени счет,—
Не поэт я тогда, не поэт.

Мне не надо уютной глуши!
Чем богат я — со всеми делюсь.
Если плачу, друзья,— от души,
И от чистого сердца смеюсь.

Чем же в жизни смогу дорожить,
Если сердце не будет кипеть?
Только так и хочу я прожить,
Только так и хочу умереть.

1956

ВЕСНА

Все голубей океан небосвода,
Почки набухли, и облако тает,
Пенятся воды.
Плещутся воды.
Птицы слетаются в звонкие стаи.

Гор красота и долин обаянье
Чуткое сердце немного тревожат,
Камень и тот под весенним дыханьем
Может ожить.
Обязательно может!

То — пробужденье уснувшей природы.
То — соловьиное время настало.
Ах, если б сердце, как вешние воды,
Помолодев, половодьем вставало!

Здравствуй, весна!
Ты сердечные струны
Тронула снова и нежно и смело...
Ах, если б, мир этот делая юным,
Юность и людям вернуть ты умела!

1956

ЧАСЫ

Ударам сердца вторят в лад
 часы биеньем на руке.
Они со мною говорят
 на тихом точном языке.
И, если я корабль, они —
 мой руль, мой проводник в пути.
Тик-так... тик-так...
 Часы и дни...
 Они спешат со мной пройти.
И каждый их удар несет
 события в моей судьбе,
И самый точный счет ведет
 любви, работе и борьбе.
Пусть схожи меж собой они,
 удары мерные часов,
Но жизни самый краткий миг
 неповторим и вечно нов.

1956

* * *

Всегда и всюду я хожу в очках:
Без них не вижу в десяти шагах.

Когда-то острым зрением владея,
Не мог я распознать предметов суть.
Теперь мои глаза куда слабее,
Но в глубь вещей я в силах заглянуть.

1957

* * *

Молчал поэт, джейраном восхищен.
Джейран спросил: «Скажи, ты чем смущен?»
О красоте джейрана ходят песни,
Но сам своей красы не знает он.

Ах, если бы мог на миг понять джейран,
Как легок бег его, как строен стан,
Как глубоки глаза, как нежен мех,
То сам бы удивился больше всех.

1957

* * *

Я с цветами говорил,
Говорил, тоскуя:
— Кто вам платье подарил,
Красоту такую?

Жаль, не дали вам язык
Вместе с красотой...—
Но внезапно весь цветник
Зазвенел листвою.

И, раскрыв бутон, без слов
Мне сказала роза:
— Аромат — язык цветов!
Счастье в нем и слезы!

1957

* * *

Ах, седина... Седина!..
Как ты стала видна!..
Глядит на тебя украдкою мать
И слезы не в силах сдержать.
Не надо, мама...
Не надо слез...
Меня не старость задела крылом.
Я просто горел за рабочим столом,
И пламя коснулось моих волос!
Напрасно не думай, что мне на виски
От тайного горя легла седина.
Наоборот, говорит она,
Что жил я не зря
И умру без тоски.
Ведь песни я пел только полным голосом.
Трудом я дышал,
И трудом я жил!..
Природа дала мне черные волосы,
А седину — я сам заслужил!

1958

ЧУВСТВУЮ ВРАЩЕНИЕ ЗЕМЛИ

Навстречу поезду —
огни планеты
Летят как птицы.
Все ярче,
Ярче синева рассвета,
Приоткрывает горизонт ресницы.
Роняя звезды,
ночь ушла устало.
Гляжу и радуюсь палитре смелой:
Даль загорелась от полоски алой,
Летят с востока
золотые стрелы.
На водной глади —
Солнца отраженье,
Над морем проплывающего низко.
Дней и ночей извечное сближенье
В движении пылающего диска.
Вращается
путей скрещенье.
Перемещаются
поля,
леса.
Земного шара
чувствую вращенье,

Как под собой —
Вращенье колеса.
Планета
 не состарится с годами,
Нам предоставив
Тяготы забот.
Уносит нас ее круговорот,
А кажется,
Что кружимся мы сами.

1959

из сборника
* ВИСОТА *

ТЫ И Я

Мы в этом мире многого не знаем,
ум познает, и чувствуют сердца,
и то, что ты не понял, объясняя,
тебе понять помогут до конца.
Но чувств не даст нам никакая сила.
Вон веточка,

на ней роса видна.

Я говорю:

— О, как она красива! —

Ты говоришь:

— Плоды нам даст она.—

Как камни белые в горах зеленых,
белеют овцы, облепив родник.

Я говорю:

— Они как снег на склонах...—

Ты говоришь:

— Какой бы был шашлык! —

Цветы в уста открытые целуя,
с зарей пчела пускается в полет.

— Как песня их красива! —

говорю я.

Ты говоришь:

— Весьма полезен мед.—

Ты знаешь жизнь,
и трезв твой зоркий взгляд,
я чувствую —
и этим я богат.

1959

ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

Счастье!
Что такое счастье?
Не наивный ли вопрос?
Погоди, не возмущайся,
мой вопрос —
 не так уж прост.
Многих счастье водит за нос,
днем с огнем не отыскать.
Раньше, в школе,
 мне казалось:
счастье — это
 аттестат.
Кончил школу —
 с плеч забота.
И опять ищу ответ:
а любимая работа —
это счастье или нет?
Счастье!
Что такое счастье?
Может, это —
 горизонт?

РАЗГОВОР С ВРАЧОМ

Как только сердце вдруг заколет,
от утомленья,
так ли просто,
врач, близкий друг мой,
пульс находит

и хмурит брови:
— Девяносто! —
Ворчит:
— Нельзя же так работать,
хоть сердце у тебя
вололье,

гони из головы
заботы
и береги

свое здоровье.
Ты понимаешь сам прекрасно,
что может кончиться бедою.
Я пропишу тебе
лекарство,
ты пей его

перед едою.
И мойся по утрам по пояс,
и помни:
никаких волнений.

Я, право, очень беспокоюсь...—
И дальше —
масса наставлений.

Нет, доктор,
Сердце
знать не хочет

советов
и ограничений.
Оно ведь бьется, милый доктор,
для радостей
и огорчений.
Как ртути приказать
спуститься,

чертя предел
ее свободы?
Она приказов не боится,
зависит
только от погоды.

Не для всего
годится рамка —
попробуй
душу в рамки втисни!
И если я —
свеча

иль лампа,
то свет мой —
это мои мысли.
И как, скажи,
мне отказаться

от думы,
хоть она тревожит,
от дружбы —
этого богатства,
которое всего дороже,
и от любви,
и от заботы,

чтоб спать ночами
 не мешала?..
И знаешь, доктор,
 без работы
и жизнь мне не нужна, пожалуй...
И если б, милый доктор, знал ты
язык ударов гулких этих,
ты мне, пожалуй,
 так сказал бы:
«Забудь-ка о моих советах,
с друзьями нежен будь
и дружен,
трудись,
живи,
 чтоб увлекаться,
люби —
 покой тебе не нужен.
Мысль — твой рецепт,
борьба —
 лекарство».

1959

ВОКЗАЛ

Я брожу по перрону
 с букетом
между справочным бюро
 и буфетом,
я гляжу на часы
и щиплю усы
от досады:
чуть не двадцать минут
 до посадки!
А за двадцать минут
я на двадцать лет
 постарею...
Хоть бы поезд уходил
 поскорее!
Вот уйдет этот поезд
на третьем пути,
и тогда к перрону
должен мой подойти,
а пока ждут его у разъезда.
Ну, когда же он сдвинется
 с места?
Люди входят в вагон,
я гляжу им вдогон —
кто расстроен,
кто скучен,

кто весел;
этот сел к столу,
тот прилип к стеклу,
а один и совсем

нос повесил.

Сколько сказано слов,
сколько выплакано слез
на широкой груди вокзала!
Провожают невест,
провожают отцов,
провожают,

чтобы встретить

в конце концов.

Сколько жизнь тут узлов
завязала!

Тут и плач и смех,
словно дождь и снег,
ночь и день,
свет и темь —

вперемежку.

Я люблю этот ритм,
он всегда меня бодрит,
несмотря на суету
и спешку.

А вон тот человек
не поймет меня вовек:
я пришпориваю время,
сердце рвется из груди —
он хватается за стремя,
умоляет:
— Подожди! —
Он с любимой расстается,
я любимую жду,
нам друг к другу остается
только чувствовать вражду.
Но об этом ли речь?

Без зимы не будет лета,
без разлук не будет встреч,
стало быть, вражда нелепа!
Я бы так ему сказал:
пусть живет разлука
встречей,
потому что вокзал —
узел всех противоречий.

1959

СВЯТОЙ ПРАХ ИМАМА ГУСЕЙНА

Здесь спит имам, детей своих покинув,
Столетия над гробницею прошли,
и неподвижно отсветы рубинов
на сумрак тканей сказочных легли.

Среди сокровищ дивных и несметных
почил пророк.
Но, право, не пойму:
когда, Гусейн, и впрямь ты
из бессмертных —
тогда все это золото к чему?

Когда ты свят, что в бриллиантах проку?
А между тем у склепа вид казны...
Выходит, что религии, пророку
все эти украшения нужны?!

Текут в мечеть все новые богатства,
в великолепии пышном утонув,
здесь спит пророк...
И улица, босая,
стоит у входа, руку протянув.

Но что за дело мертвому пророку
до голода, до слез, до нищеты?

Послал ли он когда-нибудь хоть кроху
молящимся с утра до темноты?!

Он лишь берет,
ему еще все мало.
О, странные контрасты!
Там и тут
на золоте спят мертвые имамы,
а дети их голодные бредут...

Кербела, 1959

СЛАВОСЛОВИЕ НОЧИ

Слава ночи!
Ночное небо сегодня подобно карте
ночного неба.
Оно так ясно,
что невольно приходит в голову мысль
о фиолетовом бархате
с множеством аккуратных проколов,
подсвеченном сильной лампой,—
на удивленье
всем посетителям планетария,
всем земным полуночникам.

До чего же хороша ночь!
Ее прелесть одушевила
даже мертвые камни:
ущелье дышит,
полон жизни профиль скалы
на небесном фоне —
горы не желают спать!
Ночное небо
смотрит — не наглядится
на произведение собственного
искусства —
ночь на земле...
Сколько глаз у ночного неба?

Множество!
И во все глаза
оно глядит в тишину.
А луна,
самый зоркий глаз,
наблюдает влюбленных...

Слава ночи!
Сегодня спать — преступленье!
Ночь наполнила чашу
тверди небесной —
наполним чаши и мы!
Выпьем
за здравие ночи!
Пусть к звонам звезд
примешается
наших бокалов звон.

Как можно спать, в самом деле,
в ночь такую, как эта,
в ночь, когда даже камни
глаз не в силах сомкнуть?
Нет, мы не станем спать!
Наша жизнь не так уж длинна,
чтоб мы спали
в ночь такую, как эта,

меж тем как большую часть нашей жизни
мы проводим во сне.
А после всего,
после жизни —
о, нам предстоит тогда славно выспаться
в течение тысячелетий,
в вечности...

Нет, мы не можем,
мы не хотим позволить себе
ночь такую, как эта,
проспать!
Сердце этого нам не простит!
Право, это бы означало —
лучшее в жизни
проспать!
Это означало бы —
проспать жизнь!

Давайте же слушаться сердца —
полнее бокалы
вином, золотым, как звезды,
и черным, как ночь сама,—
полнее бокалы,
выше —
и — слава ночи!

1960

* * *

Радуга жизни моей, семь прекрасных цветов,
шелест ветвей, ароматы прекрасных цветов,
солнечный полдень, прозрачное пенье воды,
боль моя, горе, спасенье от лютой беды,
смысл моей жизни, вершина земной красоты,
мудрость моя и восторг мой, ответь мне, кто ты?

Ты и улада, и горечь, и благо во вред;
губ, воспаленных любовью, горячий бред,
и отрезвление, и полная чаша вина,
и надо мной распростершая крылья вина,
ангел мой, ад мой, отчаянье, страх, мечты,
жизнь моя, вихрь побережий, ответь, кто ты?

Враг мой и друг мой, соломинка, острый кинжал,
словно, повиснув над бездной, я руки разжал,
и не пойму, то ли падаю, то ли парю,
то ли беру беззащитно, то ли дарю,
то ль облака, то ль могил надо мною кресты —
вечный твой пленник, царица, ответь мне, кто ты?

Свет моих слов, размышлений запутанных тьма,
чувства полет и тяжелых страстей кутерьма,
освободитель мой или недремлющий страж,
щедрый оазис в пустыне, коварный мираж,
женщина, дух ли, явившийся из пустоты,
чтобы навеки исчезнуть? Ответь мне, кто ты?

1961

СТАМБУЛ

Стоит над Босфором
город-чужак
и озирается:
что за оказия?
Одна нога в Европе,
другая — в Азии,
на одной — ботинок,
на другой — чувак.
Босфор два мира
разъял,
как рана.
Сам был,
сам видел —
 стоит Стамбул,
на устах у города
стих из Корана,
в ушах у него
реактивный гул.
В небо вонзились
его минареты.
Он курит жадно,
 без мундштука,
американские сигареты
из турецкого табака.

Его распирает
 от кока-колы,
тревожит
дней
марафонский бег.
Прошное тянет
 его за полы,
в спину толкает
двадцатый век.
Я его понял,
как человека:
когда мне трудно —
 ему трудней!
На перекрестке
двадцатого века
город стоит
между двух огней.
Умом на западе,
сердцем на востоке —
странно сложилась
его судьба!
Я от этого
 не в восторге,
но знаю —
 город
 найдет себя.

Истамбул, 1961

МЕЧТА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Когда мать услышала впервые
лепет детский,

несвязный,
смешной,

в сердце матери
звезды зажглись,
из мечтаний
мечты родились:
«Для тебя — жеребцы вороные,
и созвездья,
и солнце с луной,
за тебя умереть я готова,
но когда ты промолвишь хоть слово?..»

Стал ребенок
ее понимать,
слово «мама» сказал он однажды.
И охвачена радостью мать,
и томит ее новая жажда:
«Мальчик мой!
Ты живешь!
Ты растешь!
Ах, когда же ходить ты начнешь?..»

Вот ходить начинает мальчишка,
он гуляет,
он скачет вприпрыжку,
он за ветром несется вдогонку —
не удержишь арканом мальчонку!
Мать — как дерево в вешнем цвету...
Но мечта порождает мечту:
«Мальчик мой!
Как он быстро растет...
Но когда же он в школу пойдет?»

Вот отправился в школу сынишка,
вот прочел свою первую книжку.
Сын растет —
и желанья растут.
И маячит в мечтах институт...

Дальше — больше!
Опять и опять
мать
 грядущее сына листает.
Свадьбу сына скорее сыграть
с нетерпением жадным мечтает.

Начинается тихий закат.
Материнский туманится взгляд.
Сердце матери свечкою тает,
но она все мечтает,
мечтает...

Закатившись во мгле,
как звезда,
мать покинула мир навсегда.
Но живет ее сын и мужает,
и — мечтает,
бессонно мечтает.

О мечта!
Ты бессмертна вовек,
как бессмертен земной человек.
Он родился на свет неспроста —
призван очеловечить он землю.
Он растет,
эстафету приемля,
и мечту
 обгоняет
 мечта!

1962

ПАНТЕОН В РИМЕ

Я не видел
таких количеств
их преподобий
и величеств!
Я в Пантеоне
час торчу
и изучаю
 без помехи
их самоварные доспехи
и высочайшую парчу.
Бог знает,
из какого сплава
интриг,
 насилий
 и злодейств
ковалась призрачная слава
того, кто похоронен здесь.
Они за вечностью
в погоне
сооружали Пантеон.
Но есть могила
в Пантеоне,
которой недостойн он.
На ней ни статуй,

ни узоров,
она сурова и проста,
но привлекает
столько взоров
ее гранитная плита.
В дни праздников
и карнавалов
не вспоминают
кардиналов,
не навещают
королей,
чтобы отметить
юбилей —
идут не к ним,
а к Рафаэлю,
несут ему
земной поклон.
Из-за него
семь дней в неделю
туристов
полон Пантеон.
Дельцы,
министры без портфеля
сюда приходят
неспроста...
Сжималось сердце
Рафаэля:
как мимолетна
красота!
Порой он чувствовал
бессилье,
и холст
отсвечивал мертво;
и краски вздорные
бесили,
когда не слушались его.

Он знал
единственное
средство,
чтоб ожил красок
карнавал, —
подмешивал он
в краски
сердце,
пока его не исчерпал.
Но красоту —
увековечил.
Жизнь пронеслась
как ураган.
О нем почти
по-человечьи
скорбит
возвышенный орган.
Вздыхает мощно
и бездонно
он всей утробой
своей.
Не знаю, слышит ли
мадонна?
«Аве Мария...» —
это ей.
Создание гения —
бессмертно,
оно из плоти,
и крови.
А у могил своих
бессменно
торчат,
как чурки,
короли.
Я с королями
редко знаюсь,

но я поклясться
вам готов,
что королей
терзает зависть:
«Какой художник?
Кто таков?»
Их возмущенью
нет предела,
что и за несколько
веков
толпа к нему
не поредела
и не убавилось
венков.
Душа художника поныне
парит на крыльях
красоты,
а их давно уж
нет в помине,
одни надгробья
и кресты.
Ни их причуд,
ни их художеств —
народ не помнит
ничего,
и меркнет слава
их ничтожеств
перед величием
Его.

Рим, 1961

ЧАЙКИ

На воде,
в воздухе
и на земле чайки
в трех различных стихиях
живут как хозяйки.
И плывут,
и парят,
и шагают их стайки.
Я веками завидовал им без утайки.
Но теперь наступила эпоха другая:
я, как чайки,
плыву,
и парю,
и шагаю.

Рига, 1961

ПРОШЛОЕ — БУДУЩЕЕ

Я в школе по истории
пятерки получал.
Походы крестовые
я в школе изучал.
Я жил только прошлым
среди будничных дел.
А думать о будущем
я не хотел...
Частенько с друзьями
ходил я в музей.
Потом научился
ходить без друзей.
И вдруг я подумал:
жизнь так коротка,
а я ее трачу
на средние века!
Что было когда-то,
узнал я из книг,
а что со мною будет
хотя б через миг?..

1962

КИБЕРНЕТИКА

Машинна умеет
угадывать мысли:
солгать захочешь —
не даст солгать.
Машинна умеет
подсчитывать милли,
уже научилась
стихи слагать!
Идет кибернетика —
век машин!
И мы, как мальчишки,
вперед забегаем:
бывает —
сами себя смешим,
бывает —
сами себя пугаем.
В умах сенсация,
даже паника:
машинна рождает
себе подобных!
Хорошо, если это —
машина-панька,
а если это —
машина-подонок?
Тогда ей будет

А ты способен
на подвиг любой!
Как перед самой
высокой вершиной,
я преклоняюсь
перед тобой,
творцом,
человеком,
а не машиной.
Машина может
сваи вбивать,
как самый лучший
друг и помощница.
Но можно ее
научить убивать,
она ведь машинна,
она не поморщится!
А в дружбе твоей
и твоей любви
нужна ли тебе,
человек, замена?
Любое чувство
мне назови,
что так же свято
и незабвенно!
И как поэту,
и как мужчине

1952

Один лишь взгляд,
холодный взгляд неправды —
и я ненастен,
и несчастен я.
А мама говорит:
— Сынок,
не прав ты,
все к сердцу близко принимать нельзя.
Нельзя за все на свете быть в ответе
и память списком бедствий отягчать...
С тревогами не дружит долголетье,
спокойнее живи,
послушай мать...

— Ах, мама!
Ведь тебя не переспоришь.
Конечно,
ты по-своему права.
Подтачивают сердце
грусть и горечь,
от бурь
седеет рано голова...
Закрывать глаза на человеческие горе,
не замечать растоптанных цветов.

бесстрастно промолчать в пристрастном
споре,
не отзываться на тревожный зов —
и проживешь и сыто
и покойно
лет сто,
а то и больше проживешь...
Но эта жизнь
поэта недостойна.
Такая жизнь — позор.
Позор и ложь.
Нет,
не могу,
не смею и не буду
жить.

отвернувшись от страстей и бед,
не зная горя и не веря чуду,
не ведая падений и побед.
Когда скорбит насуспенное небо —
в нем зреют стебли молний огневых.
О жизнь!
Тревожь меня!
Зови и требуй!
Гнев и восторги
порождают стих.
Коль хочешь озарить сердца людские
высоковольтной молнией стиха —
сам запыхай огнем,
сам стань стихией,
чтобы костер высокий не стихал.
Все людям отдавать —
щедрее,
шире —
и бескорыстно времени служить.
Немирно жить
в немирном этом мире —

лишь так
поэт
обязан жить!

Да, мама,
тяжела судьбина эта,
она и не легка,
и не тиха...
Пусть долголетье
не дано поэту —
важнее долголетие
стиха.

1963

КТО МНЕ ВРАГ?

Кто мне враг?
Кто мне друг?
Разберешься не вдруг,
я от этой задачи
устал.
Если б встретил врага,
не сваял дурака,
дождаться б удара
не стал.
Только кто мне враг?
Может, льстивый друг,
что похвалит брак,
проглядит недуг?
Или тот, кто меня
на собрание ругает
за дело,
в недостатках виня
и смеясь,
чтоб сильнее задело?..
Ах, как к финишу
годы спешат!
Вас мои недостатки
смешат?
А меня они старят,
они вырастают

Новых скоростей
выше и быстрее
я летать хочу.
Собственную мысль,
самого себя
 обогнать хочу!

1963

СКОРОСТЬ

Было время:

 считая
за верстою версту,
мы три дня и три ночи
добирались поездом
из Баку в Москву.

А теперь —

 три часа
мы летим в самолете Баку—Москва.
И опять я вздыхаю,—

 как томительно это!
Мне б хотелось лететь
 со скоростью света.

Но когда полечу, как хочу,
будет сердцу казаться,
что мы в небе на крыльях
 неподвижно повисли.

Дайте, дайте мне скорость
 моей собственной мысли!

Я — простой человек,
сын двадцатого века,
мой стремительный век
ввысь зовет человека.

В САМОЛЕТЕ

Летим в седьмой, как говорится, сфере.
На горизонте — ответ багреца.
Вселенная распахивает двери,
Распахивает настужь, до конца.

Все выше поднимаемся.
Все меньше
И горы на земле, и города.
Как будто к небу самолет подвешен
И в пустоте не мчится никуда.

Земля внизу не движется как будто,
Как будто мы прервали в небе путь.
Быть может, все приборный щит напутал,—
Я скорости не чувствую ничуть.

Ни деревца, ни горки,
 чтоб мишенью
Избрать, примерив скорость хоть на глаз.
Все познается по соотношенью,
Соотношенья различают нас.

Земля за дымкой притаилась где-то...
Вот самолет покинул облака,
И скорость уменьшает...

Но и эта —
Уменьшенная скорость,
 велика!

Так как же мы стремительно летели,
Когда земли не видели вдали!
Земля, земля!
Мы дальность всякой цели
Сонзмеряем с близостью земли.

Пускай мечту не удержать с разбега,
Пускай она еще летит во мгле,
Но силу,
 вес
 и цену человека
Мы постигаем только на земле.

1963

* * *

Взгляни — течение жизни
напористо и шумно,
Умом своим не хвастая,
упорным быть умей.
Когда я вспоминаю,
что поступил неумно,
В то самое мгновение
я становлюсь умней.

1963

ДАВАЙ ПОМЕДЛИМ...

Останови, мой друг, автомобиль.
Ты видишь,—
В сказку превратилась быль.

Какая красота!
Как свет лучится,
В ущелья проникая и сердца!
Дорога далека?
Но что случится,
Коль мы доедем позже до конца?

Не опоздаем все равно.
Постой,
Налюбоваться надо красотой.

Как воздух чист!
От этой чистоты
Я обновился, я родился снова.
Цветы глаза раскрыли...
Пусть цветы
В камнях от глаза прячутся дурного.

Уходит время...
Что же ты поник?
Давай удержим время хоть на миг!

Давай помедлим на зеленом лоне,
Где склон горы впитал закатный свет.
Ах, если б мы могли на этом склоне
Побыть еще —
На склоне наших лет!

Теперь гони.
Хоть вкось, хоть напрямик —
Ты не обгонишь время ни на миг.

Но, стоя там, где сказкой стала быль,
С ним состязаться было в нашей силе.
Остановили не автомобиль,
А время мы с тобой остановили.

1964

ЖИЗНЬ — ГОРЕНЬЕ

Способность пламенеть — в ней наша сила.
Свети другим — хоть день, хоть час один!
Свеча и та, когда горит — светило,
Когда погашена — лишь воск и стеарин.

1964

Но ваши буквы, запятые, даты —
Следы давно погасшего огня,—
Мосты, соединившие меня
С далеким берегом, оставленным когда-то.

1964

П И С Ь М А

В углах своих шкафов храним мы письма,
Мы письма прячем в сундуки, на дно,
И письма, как увянувшие листья,
Рождают грусть, хоть и мертвы давно.

В былые дни мы эти письма наши
Читали со слезами на глазах!
Но отгорел костер, огонь погашен,
И я сейчас пересыпаю прах.

Те письма, чьи слова со вздохом тяжким
Я наизусть читал, во сне твердил,
Теперь всего лишь старые бумажки
С подтеками чуть выцветших чернил.

Но пожелтевшие листки угрюмо
Перебираю я в который раз...
Как собственные горести и думы
Подчас бывают далеки от нас!

Вы, что когда-то обладали речью,
Сейчас не сохранили б ничего,
Не будь воспоминанья человечьи
Живучее страдания его.

Мера жизни прожитой — мы сами!
И на свете прожита не зря
Жизнь, измеренная делами,
А не числами календаря.

1964

ЧТО — ГОДАМИ..

Я не знаю: годы ли крылаты,
Что летят и медлящих не ждут,
Или сами мы летим куда-то,
А года, не торопясь, текут.

Что им до того, что мы стареем,
Что уж многих нет среди живых!
Что им, что порой мы не умеем
Уместить работу в рамки их!

Жизнь бела или черна, как сажа,
Ночь светла, иль мрак нависнет днем,—
Что — годам, ведь всю их боль и тяжесть
Мы, сгибаясь, на плечах несем.

Мчатся годы, словно самолеты,
То как светлый, то как тяжкий сон.
Что им до того, что умер кто-то
Или кто-нибудь на свет рожден!

Нас, людей, спасает только вера
В то, что мы сильнее потока лет,
Только вера, что года — не мера
Наших дел, и радостей, и бед.

Хоть она нагрянет и не спросит,
Нам с тобой и старость не страшна.
Ничего, что под ногами осень,—
На вершинах все еще весна!

ПОЖЕЛТЕВШИЕ ЛИСТЬЯ

* * *

Порой мы без толку кричим,
Жонглируем словами...
Давайте

сядем на диване,
Давайте
просто помолчим.

Хочу остаться в тишине
С моим немолчным сердцем,
Хочу побыть
наедине

С ним,
как с единоверцем.

Я вижу горы и сады!..
Память переполнена.
Весенний ветер,
плеск воды —
Все, все душа запомнила.

Хочу мечтать!
Погасим свет..
Я сам горю,
как эта лампа.

Я — как светящаяся рампа
Среди событий,
встреч и лет.

И, чтобы явственней себе
Настоящее представить,—
Я буду в собственной судьбе
Прожитый день,
как строчку, править.

Впиваю запахи цветов
И вместе с песней пламенею.
Я красотой наполнен!
С нею
Я обойти весь мир готов.

Кто говорит,
что ночи только
Для отдыха сотворены?
А передумать можно сколько
Под светом медленной луны!

Ночами солнца нет.
И люди
Должны светить себе
мечтой,
Тогда и ночь понятней будет
В короне
звездно-золотой.

1965

В этом мире срок всему отмерен,
Он неумолим, —
 закономерен.
Только время — вечно.

Оттого

Человек и выдумал его.

1965

* * *

Сколько лет хочу прожить
на свете я?

Сто?
Пятьсот?
Тысячелетие?
Десять тысяч?
Миллионы?..
Нет, не хватит, нет!

Я хочу бессмертия.
Хочу я
За пределы времени уйти.
Ветром стать?
Но, по земле кочуя,
Все равно бессмертья не найти.

Морем стать? Но море убывает.
Солнцем? Но и солнце остывает.

Вот — огонь. Пока горит,
А угаснет — он светел,
превратится в пепел.

З Е М Л Я

Находил я свинчатки на улицах
детства,
И не знал я,
Куда мне от радости деться.
С сорванцами я тайнами щедро
делился
И ответные тайны
Хранить научился.
И была мне земля, мальчугану,
знакома,
Вся до пяди,
От моря до самого дома.
И теперь я хожу
По земле все по той же
И землей дорожу
С каждым годом все больше.
Так же пахнет она и полынью
и влагой.
И мальчишки бегут
Босоногой ватагой.

Только время жестоко
Глядит с фотографии.
Это я. У истока
Моей биографии.

Сколько лет поглотил он —
Квадратик картонный!
Годы — словно созвездия
В небе бездонном.

Годы издали светятся
Огоньками.
И нельзя с прошлым встретиться,
Тронуть руками.

На портретик смотрю, на себя:
Я, не я ли?
Годы многое дали
И многое взяли.

Словно стало нас двое:
Я прежний
И нынешний.
Тот, не знавший о многом,
Этот — многое вынесший.

Крепко преданный жизни,
Бессмертному делу.
Ах, когда же ты, время,
Далеко улетело?

То не сон ли приснился!
Смотрю по утрам я,—
Кто из нас изменился:
Земля или сам я?

1965

Поэт — и пахарь он и воин,
Высокой наделен судьбой...
Я только тем сейчас доволен,
Что недоволен я собой.

1965

Я СТАРШЕ!

Дед мой умер —
Восемьдесят было.
Жизнь его не гладила,
А била.
В шестьдесят негаданно отца
Смерть скосила — вот какое дело...
Я же старше и отца и деда, —
Повторять готов я
Без конца.

В сорок лет!
Я говорю не ради
Громких слов.
Гремит сквозь полночь радио,
И шуршит газетная страница,
И поведать важное стремится,
В плен берут события меня,
Полон каждый час —
Делами дня,
Каждый месяц —
грузом года целого...
В мире столько нужного и ценного.

Вся планета —
В комнате моей.

Слева — день,
А справа — ночь густая.
Грохот гор
И гул седых морей,
Белизна снегов
И птичья стая,
И меридианов пояса,
И материки,
и полюса...

Словно мчу я в бешеном полете,
Мчу сквозь время —
Вы меня поймете!
И ловлю — как счастье — час любой.
О секунда, ты всего превыше!..
По-иному
Мерю я любовь,
Забываю
Старые привычки.

Расстоянья, струнами звеня,
Сходятся —
Я их легко миную.
Снова
у сегодняшнего дня
День вчерашний
В долг берет минуты.

В каждый месяц я прожить готов
Год,
что дедом прожит был когда-то...
Но сместились, словно грани, даты,
Где границы
Дней,
Недель,

Годов?!
Все во мне —
Хмельных цветов пыльца
И равнина, что в снега одета...
Да, я старше своего отца,
Старше деда!

1965

ДОЛГ

...Пришли под вечер
в тихий дом,
Немножечко скучая.
Поговорили,
А потом
Напились вдоволь чая.
К жене усопшего войдя,
Поведали о скорби,
Под монотонный гул
дождя,
Надели шляпы
Вскоре...
И ветер, сотрясая дом,
Срывал платки
у женщин...
Неужто
только в этом
долг
Живых —
перед умершим?!

1965

НАЧАЛЬНИК И СТОЛ

На что-то осерчав,
один большой Начальник
В запале трахнул
кулаком о Стол.
Средь мебели
известный как молчальник,
Стол крякнул и сказал:
— А ты, однако, зол!
Умерь свой гнев
и знай, дружок, отныне:
Ты, слабый человек,
смешон в своей гордыне! —
Услышав эту речь,
Начальник был задет.
— Со мной ли говоришь?
Меня ль назвал ты слабым —
Руководителя
с таким масштабом,
Пред кем дрожат,
шагнувши в кабинет?
Один мой взгляд,
одна моя печать
Способны
прекратить работу
иль начать!

103

Здесь каждый мой приказ
становится законом!
Все мне подчинены!
Что сказано — конец!
Как ты осмелился,
дубовый ты наглсц,
Со мною говорить
подобным тоном?!
— С тобой согласен я,
но только не вполне,—
Ответил Стол.—
Действительно,
к несчастью,
Ты наделен сейчас
немалой властью,
Но этой властью
ты обязан мне!
А без меня
в тебе какая сила?
Умом тебя природа
обделила.
Ты без меня —
ничтожный воробей.
И кулаком по мне,
пожалуйста,
не бей.

1965

из сборника
* ДЕВИЧЬЯ БАШНЯ *

* * *

Какое ты пламя —
не знаю.

Сама объясни... Я не мог
понять, даже рядом бывая,
как душу и тело не сжег?

Но только разлука какая,—
незримая держит рука.

Какое ты пламя — не знаю...
Сжигаешь издалека.

1966

БАЛЛАДА О ВРЕМЕНИ

Остановись, мгновенье!

Гете

Нам не хватает времени,
всю жизнь его не хватает...
Оно, словно конь крылатый,
от нас вперед улетает.
Как мартовская снежинка,
оно на ладони тает.
Нам не хватает времени.
Времени не хватает...
Мечта одного лишь часа
в три жизни
не уместится!
Не лучше ли,
как за соломинку,
за дело

нам ухватиться?
Вечно —

и ночью и днем,
по жизни —

за часом час —
влачим мы соломинку —

дело,
или — соломинка нас...

Сколько не сделано — боже!
Не знаешь, с чего начать!
Это — работа на вечность,
это — работа на час...
— Не одолжите ли времени,
простите, как вас по имени?
— Ни под какие проценты —
и не помогут протесты.

И — ни сложить, ни вычестъ —
время

отпущено в целом.

Стрелки!

Остановитесь!

Дайте покончить с делом!

Не заключаются сделки.

Дальше
вращаются стрелки,
свет

темнотою сменяется,
ибо планета вращается
вечно —

и ночью и днем,
делая свое дело...

Сколько цветов

с ароматом,
который мы не вдохнули?

Сколько
мы не доработали?

Сколько
не доотдохнули?

Сколько одежд
не сносили мы?

Сколько преград
не осилили?

Но ведь желание
было!

...Времени нам не хватило,
с временем не получилось...
Чья-то звезда скатилась,
кто-то

достиг перевала...
Времени,
времени мало!!!
Так воспоем откровенье
тех, кто в прозрении вещем
вдруг
остановит
мгновенье
и подчинит себе
вечность!

1966

У КАРТЫ МИРА

На карте мира красок тьма:
что делать?
Мир поделен!
И все же повсюду желт песок
и лес повсюду зелен.

Делили Землю короли.
Знамена реяли в пыли,
и шли солдаты в бой.
Война смотрела вслед войне,
но прежним по величине
остался Шар Земной!

1966

ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ В СЕРДЦЕ

Нам радио вещает каждый вечер
прогноз погоды: «Послезавтра ливень...»
О, человек, сегодняшний и вещий,
природы прорицатель прозорливый!
Сегодня знающий, откуда завтра ветер!
Я говорю:
не возгордимся этим.
Определять умеем, без сомненья,
на всей земле погоды измененья.
Возможные порывы, колебанья
предсказываем точно и заранее...
Но отчего, всеведущие, мы
не знаем ничего о переменах
своей души хоть в следующий миг?
Четыре времени сменив за целый год,
живет земля. Приходят в свой черед
зима — зимой, весна — весной...
Все к сроку
сменяется... И никуда не деться!..
Но отчего за час единый только
четыре времени переживает сердце?
Сегодня знающим, откуда завтра
ветер,
я говорю:
не возгордимся этим!

1966

В РАЗЛУКЕ

Нет тебя. Разлука есть,
вечности сестра.
Что ни день — за белый лист
я сажусь с утра.
Еле-еле длится срок,
шелестят листы.
Из моих неровных строк
возникаешь ты.
Я душой к тебе лечу
через небосклон.
Милый профиль твой черчу,—
не выходит он.
Ускользаешь ты, как дым,
таешь не спеша.
Профиль твой неуловим
для карандаша.
Загораясь и скорбя,
я пишу, пишу...
Ты — мой воздух.
Нет тебя.
Как же я дышу?
Сколько зим и сколько лет
только ты одна
по весне — мой белый снег,
по зиме — весна?
Без тебя слышней стократ

самый робкий звук...
Все влюбленные не спят
в дни своих разлук.
Все сомненья — на весы!
Я любви учусь
в эти строгие часы
испытанья чувств.
...Что с того, что сто разлук
были и прошли?
Я узнал тебя, мой друг,
от тебя вдали!
До отчаянья любя,
всей душой храня,
понял я, что без тебя
просто нет меня.
...Тот разлуки не постиг,
кто в стремленье — жить! —
захотел единый миг
в вечность обратить.
Никогда для нас с тобой
не был прав поэт:
миг в разлуке — он порой
дольше долгих лет!
Миг в разлуке — тишина,
что вмещает мир.
Миг в разлуке — седина
за единый миг...
Счастлив я моей тоской,
счастлив, что,
любя,
я, любимая,
с тобой
даже без тебя!

1966

СТИХИ О ПИРГУЛИНСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ

Ее научным работникам посвящается

1. НЕБОЛЬШОЙ ДОМ

Обсерватория!
Лицом к лицу
вселенной встала ты.
В краю бескрайности,
в морях безмерности
дел — беспредельность,
поиск — в бесконечности.
И, стоя на земле,
мечтами в небеса
устремлена.
Обсерватория!
Ты —
самое
огромное окно,
во вселенную
растворенное!
Как же Земле не гордиться!
Как Матери не хвалиться!
Сын у небес пошел учиться!
Иди!

В небеса идущий!
Кто учится —

будет
умницей!

Слипшиеся горизонты,
гаснущие зарницы —
это твои, астроном,
распахнутые ресницы!
Ночь — это день твой.
Ночь — это бденье.

Это тебе,
первокласснику,
звездный свет
изучать,
как азбуку!
Вам, астрономам,
по мерцанию звезд
читающим,
как по складам,
иные миры —
открывать
вам!

Обсерватория —
небольшой дом.
Но сколько миров
по ночам
собирается в нем!
В этом доме, растаявши,
ночь превращается в утро.
Открывается в утро
из этого дома
окно,
вот и распахнуто.
Этот дом на вершине горы —
это память о Завтра!
Этот дом

как рука
этих дней
дням грядущим,
навстречу протянутая.
И грядущее
светом летящим навстречу
тянется!..
В этом доме родившись,
Грядущее начинается.

2. ТЕЛЕСКОП

Тайна — здесь, на земле,
и там —
тайна.
В космосе — тайна тайн.
Сколько их,
и земных
тайн волшебных разгадано было
и много другого, разного, —
и работой глаз,
и работой линз,
а не просто работой разума.

Телескоп.
Тело.
Вскок
созвездие Гончих Псов
нагоняющий
пес гончий
в пустоте —
самой долгой
и самой бездонной, —
может, ты — самый первый
кормчий!

Телескоп — глаз.
И у него вежды.
Космос и человек,
логика и гипотеза,
истина и неизвестность,
а телескоп — между.

В галактике — дорога, дом и цель...
Вся бездна над тобою — ореолом.
Что бесконечность — ближний твой предел?
Что дальность, только ставшая прологом?

3. АСТРОНОМ — ПОЭТ

И ты — астроном, и я — астроном.
Ты — телескопом,
а я пером
водим,
водим...
Но ищем оба:
ты — новые звезды,
я — новое слово.

Ночь на грани восхода... Проблески!
Мы восходим к восходу... Поиск!

Поиск! Поиск!
Денно и ночью.
Есть надежда! Все безнадежно!
Поиск! Поиск!
Нельзя иначе.
Есть удача! И все неудачно!
Новое — там!
Слово
и звезды.

Тысячелетьями
с тайнами тайн
это сражение идет человечье!
Это сражение уходит в вечность!
Это сражение нескончаемо...

В книге неба
тайны читаем мы.
Понимаем
и бесконечность,
и глубину понимаем вполне...
В вечную глубину!
В новую глубину!
Новое в глубине!

Начат от единицы чисел ряд,—
восходишь!
Вот уже, опору потеряв,
плывешь в свою прекрасную мечту,
формулу вероятности построив в пустоте.
И сердце в том бездонном и бездомном
пути — само как тайна — без ответа.
Брат мой названный, здесь не астрономом,
в мечте — и ты становишься поэтом.

Пока мечтать о новом не старо,
взмой в небеса!
А я вернусь к земле.
Пусть телескоп твой и мое перо
работают
всегда на глубине.
И в глубине
откроется она —
космическая тайна —
глубина.
Погибнем?

Пусть погибнем в глубине!
На мелководье

тонет трус,
как водится,
от ужаса...

И только в глубине
погибшие
героями становятся.
В книге неба
тайны читаем мы.
Понимаем
и бесконечность,
и глубину понимаем вполне...
В вечную глубину!
В новую глубину!
Новое в глубине!

4. КАРТА НЕБА

О, ты рисуешь карту неба верно.
Как пристально глядишь и видишь в бездне:
Вот Солнце,
Марс,
Нептун,
а вот Венера,
вот долгота и широта,
других созвездий.
Здесь параллели и меридианы
небесные не разделяют страны.
Не делят государства в государстве,
а лишь определяют их в пространстве.
Созвездье над созвездьем не теснится...
Где ж на земле подобные границы?
Вселенная едина, ты ответишь,
Ее границы не увековечишь!

Но хорошо, не создана пока что
вселенной политическая карта.

Великое чувство чести,
нас окрылило.
Здесь начинается утро новой истории...
Есть на Земле
будущего
единого мира —

первые здания —
обсерватории!

1966

КАРУСЕЛЬ

Как колесо, кружится карусель.
Как шар земной, заверчена она.
Кружатся дети... Кто из них успел
сесть на коня, кто оседлать слона.

Кружится карусель... И все кругом
уже кружится... И хохочут дети.
Им кажется, они стоят на месте,
а мы вокруг них ходим ходуном.

Ликуйте, дети, смейтесь веселей!
Так ходим ходуном не только мы,
вокруг земли затеяв карусель,
так кружится над вами целый мир.

Ликуйте, дети, смейтесь!
В свой черед
и время кружит карусель не эту...
Как мы над вами — вам пора придет
кружить, волнуясь, за свою планету.

Но странно...
Я увидел в стороне:
малыш, сосущий вдохновенно палец,
на карусель кружащуюся плясь,

смеется...
Восхищаясь,
изумляясь,
смеется,
словно тоже на коне
иль на слоне катается со всеми
на этой развеселой карусели.
Сливались лица радостные их...
Он радовался радости других.

И боль вопроса родилась во мне:
а так же ли мы счастливы бываем,
когда другому — счастье на коне?
Когда другому радость каруселья —
о, так ли кружит нас его веселье?

1966

**ПРОСТОРНЫЙ
ШКОЛЬНЫЙ
КЛАСС**

Вот мы и встретились опять,
просторный школьный класс.
Не повернется время вспять, —
кто старше стал из нас?
Ты меньше кажешься теперь,
но с тех давнишних пор
я разглядел в тебе,

поверь,
невиданный простор!
В тебе —

начала всех дорог,
хоть с виду ты и прост.
Но для меня

твой потолок
простерт

превыше звезд.
Ты ярким солнцем освещен
всех стран

и всех морей,
ты трассами

пересечен
межзвездных кораблей!
Стремятся к звездам корабли,
но кто, скажи, забыл,

что тайны первые Земли
пилотам

ты открыл?

Не столь высок

полет иных,
но тоже — путь в борьбе!
Скажи,

начала скольких книг
задуманы

в тебе?

Ты аккуратно побелен,
Ты занят уймой дел,
но

свыше

предопределен
высокий твой удел.
Как озабоченный отец,
угадываешь ты
в биениях маленьких сердец
несметные мечты.
Я тоже выученик твой,
просторный школьный класс,
в тебе

услышал я впервой
седых преданий глас.
Час от часу,

день ото дня —
самим собою быть,
учиться

ты учил меня
и научил
учить.

В тебе, мой класс,

я познавал
величие Земли.
Как современнику, пожал

я руку Физули,
пред ним я голову склонил,
суровым стал,
 как он,
когда со мной ты говорил
о войнах
 всех времен...
День ото дня
 в тебе я рос
в мельканье школьных лет...
Вопрос
 рождал другой вопрос,
ответ
 сметал ответ.
Вопросы, давние как мир,
вопросы как намек —
о, как порой
 вопрос томил,
как был ответ далек!
Ну что ж, недаром мы прошли
дорогами войны.
Ответы главные нашли,
мой класс,
 твои сыны!
Не повернется время вспять,—
кто старше стал из нас?
Вот мы и встретились опять,
просторный школьный класс...

1966

ГОРНЫЙ ПОТОК

Слышу твой шум в отдаленье,
горный поток.
Ты в своем вечном стремленье
не одинок.
К морю свой путь через сушу
ты проложил.
Ты в эту полночь мне душу
разбередил...
Шум твой ущельями гонит
эхо в горах.
Днем умирает твой голос
в ста голосах.
Из поднебесья ты послан
миру долин.
Жажду селенья и поля
ты утолил.
Может, вернуться ты хочешь
в край ледников,
где так привольно грохочешь
среди облаков?
Где очертания строги
горных вершин?
Нету обратно дороги,
к морю спеши!
Кровь моя ходит кругами,

Все вихри дня несут антенны.
Не раззолоченным крестом,
Не полумесяцем извечным —
Наш путь, наш мир, наш дух, наш дом,
Наш век антеннами увенчан!
Не от ветров они, скрипя,
Подрагивают, словно струны,—
Нет! Принимают на себя
Они всемирные тайфуны.

То нас на горы возвели,
То вознесли над водопадом,
То — степь в клубящейся пыли,
То — в океане корабли...
Нам облик дальних мест земли
Антенны доставляют на дом.
И наши нервы без труда
Продолжатся быстрее молний,
Вместясь в электропровода,
Переселясь в радиоволны.
Преодолев пространства плен,
Высоты гор, морей кипенье,
Нам уши и глаза антенн
Свои вверяют слух и зренье...

Но протянув познания нить
В мерцающие мегогерцы,
Всегда ль мы можем уловить
Сигналы собственного сердца?
Куда труднее, чем в эфире,
Понять, что слышится в душе
Или на том же этаже,
В душе соседа по квартире,
Творится... Отчего грустит,
Какая боль, какое горе,

Кого вишит в немом укорё,
За что испытывает стыд?
Как в марте полая вода,
Не глубиёу — шириёу мы богаты,
Обширны знанья наши, да!
Но чувства часто мелковаты...
Понять бы нам в мельканье лет,
Чему наш хрупкий дух подвержен,
Не из железных прутьев, нет,
Из тонких чувств направить стержень
К людским сердцам, к живым волнам
Страстей невидимых, неслышных...
Далёкое доступно нам —
Почуять близких бы да ближних!

1967

ЧЕГО-ТО НЕ ХВАТАЕТ...

Окончена работа
в тревожной смене дней.
И вот уже

 чего-то
мне не хватает в ней.
Чего-то не заметил,
а то —

 ушло из рук...
На большее

 я метил,
как выяснилось вдруг!
Бывают и другие
издержки ремесла:
намеренья благие
представишь

 как дела,
и тянется пробелом,
повисшим

 без основ,
дистанция

 до дела
от самых лучших слов
Уверенность растает
во временности их —
как видно,
 не хватает

чего-то

 в нас самих!
Для этого «чего-то»
уходят поезда,
сартуют самолеты
неведомо куда,
ракеты улетають,
но,

 к большему стремясь,
«Чего-то не хватает!» —
мы скажем,

 прилунясь...
На счастье ли,
 на горе —

но взгляд
 всегда найдет
«недостает», — другое
внутри «недостает».
С небес

 не сыплет манна,
жизнь

 ломится из схем.
Достигнутого

 мало
во всем,

 всегда
 и всем.

Осолнечнен,
 оволнен,

ветрами освежен —
мир вечно недоволен,
и в этом

 связь времен,
и в том —

 от первых клеток
до мозга полусфер —

природа-диалектик
нам подает пример.
Кругами ипподрома
несет нас жизнь-бега,
и вот уже

до гроба
дорога недолга.
Но мы, как нам ни горько,
верны своей игре.
«Еще вздохнуть бы только!» —
мы шепчем на одре...
Спешим

разбить все цепи,
соединить сердца.
Спешим совлечь покровы
со всех на свете тайн,
чтоб к горизонтам новым
стремиться

тут и там.
Открыть
тайны множит,
как свет рождает тень.
«Наш лучший день
не прожит!» —
твердим мы

всякий день.
В созвездиях плутает
уже
наш путь земной.
«Чего-то не хватает»
ведет нас за собой!

1967

ОДА РАЗОБЩЕННОСТИ

В этот мир
мы приходим без имени...
Век двадцатый.
Родильный дом.
Кто какого здесь роду-племени —
разве знают они о том?

Это — в будущем.
Это — потом.

А пока
в цветке из пеленок
человек зовется
РЕБЕНОК.
День от ночи
он не отличает,
окружающих
не замечает
и — когда чего-нибудь хочет —
плачет.

У него одно желание —
жить:
желание есть и пить,
чтоб не холодно было,

чтоб не было больно...
Слов не надо для этого,
слез довольно:
мир открывает плач —
универсальный ключ,
международный язык младенчества...
А может быть,
первый язык человечества?
Первый поэт
или первый врач —
кто сотворил их?
Наверное, плач!

Итак,
мы рождаемся безымянными.
Смутны и сходны
черты наших лиц.
Разве пеленками да одеялами
друг от друга
мы отличаемся лишь!
От одеял —
и до одеяний,
далее —
до идеалов,
до знаний,
до осознания имени,
племени,
до принадлежности
к данному времени —
вот мы и выросли,
разноязыки,
разноплеменные
и разнолики.
Разные взгляды,
слова и дела...
О разобщенность!

Вот ты и пришла!
Вот и дождались мы:
светятся лица
общим стремлением —
объединиться!

1967

ПОТЕРЯЛ...

«Так жить я больше не могу!
Нет мочи!
Довольно!
Я устала!
Кончено!..» —
сказала и уехала в автобусе.
А я стоял...
Я вслед ему не бросился.
Мне показалось...
Ну, скажи на милость,
что время тоже вдруг остановилось.
Нет!
Не остановилось!
Не осталось!
Не растерялось,
а каким-то образом
оно твоим уехало автобусом.

Так оказалось в мгновение ока —
прощенье и пощада —
все далеко.
Но что это?
Теряю я опору...
Предметы изменяют облик свой.
Дорога вниз —

идет отныне в гору!
Кто двинул время против стрелки
часовой?

Я не с тобой расстался,
не с тобой...
Я сам с собой расстался,
сам с собой.
Чем был я?

Чем я стал?
Кто б мне сказал!..
Все улицы вдруг рухнули в глазах...
Я потерял тебя?
Наоборот!
На улице,
с лица которой стерт?
Смешался мир.
Во всей вселенной —
путаница...
Кто плачет?
Чьи рыдания
раздались?

Я потерял тебя?
На всю пустую
улицу!
А если потеряю
на всю жизнь?

1967

КОРЕНЬ

На корнях
стоят деревья...
Вырастают,
раскинув кроны.
Силу жизни
дают им
корни.

В мире все
на своих корнях.
Корни есть
у земли,
у камня,
корни есть
у небесных звезд.
Человек же
свой корень носит
в голове,
корневищем —
мозг.

1967

ПОЛЕТ

«Я в деревню приехал.
Ставлю точку
посередине начатой строки.
Я выдохся и переутомился,
почти оглох от свистопляски буден,
от шелеста страниц, от голосов...
Пусть будет тишина.

Пусть будет небо
и тишина! Я руки распахну
навстречу небу,
повалившись навзничь,
я стану грызть травинку и смотреть
на облака...

Итак, да будет отдых —
желанный отдых после всех трудов!» —
так я сказал.

И внешне все поступки,
все действия мои — до мелочей —
мои слова на деле подтвердили.
И начал я прилежно отдыхать.
Я в травы добросовестно валился,
раскидывал я руки, точно павший
на поле боя,

честно грыз травинку
и, сколько мог, смотрел на облака.

Таков я был в моих поступках внешне.
Но только внешне...

Что ж моя душа?

Она совсем замаялась, бедняжка,
от этих процедур.

Ей стало хуже,
чем в городе, средь тысячи забот.
Лишь первый день она томила молча,
но больше удержаться не могла.
«Покоя хочешь? — так она сказала,
иронией прикрыв свою обиду. —
Ну что ж, тогда валяйся, как паяц,
подстреленный на сцене из хлопушки,
смотри на облака до одуренья,
но от меня

спокойствия не жди
и знай: я прокричу тебе все уши!
Взгляните-ка! Покоя захотел!
А у меня спросил, чего мне надо
от жизни этой?

Не спросил?

Так слушай,
я и сама без спроса расскажу.
Тревог мне надо.

Слез твоих мне надо.
И, хочешь ты или не хочешь знать,
твоих мне надо разочарований,
чтоб то, что ты вчера считал вершиной,
достигнув,

ты ступенью посчитал!
А ты — что предлагаешь мне?

Всего лишь
затянутое ряскою болото,
иначе — самоудовлетворенность:
брось камешек в него — пойдут круги,
и неподвижность вновь восторжествует...

Нет, мне удел потока подавай!
Хочу я, взяв средь ледников начало,
во весь опор

нести себя низинам,
хочу в весну стремиться из зимы,
хочу в ущелье грохотать камнями,
хочу в долинах
жизнь давать росткам...

Так дай мне крылья!

Дай парить надмирно,
дай счастье

от вершины мчать к вершине,
пристанища дай счастье не иметь!
Дай Млечный Путь!

Дай мне собой измерить
всю необъятность вечности,
мгновенья
всю глубину.

Пусть грянет хор светил,
что без конца находятся в движенье,
быть среди них,

в движенье — мой удел!
Мало мне море. Мне нужна безбрежность.
И тесен день, коль вслед приходит вечер,
и вечер тесен, коли ночь приходит
за ним в черед, так страшно коротка...
Ты хочешь знать, кто я на самом деле?
Я — жизнь сама.
Я — вечности мерило.
Лишь только мной

достигнуть можно время,
лишь вечностью
меня измерить можно,

я есть —
сама вселенная
в тебе...

Итак, в полет!

Взгляни на эти стрелки,
они спешат. Не упустим ни мига!»

Я возвращаюсь.

Отдых мой нарушен.

Мои часы «Полет» слегка спешат.

1968

* * *

О мать моя! Как ты была светла!
Благодарить тебя я не устану
За то, что имя ты передала
Моей дочурке — внучке долгожданной.
Как ласково ты нянчила ее,
Какие платьица малышке шила!
В ней угадав бессмертие свое,
Ты путь земной спокойно завершила.
Взрослеет дочь, и, женской красоты
Ростки приметив в девочке-подростке,
Я вижу вновь воскресшие черты
Ее покойной бабушки и тетки.
Чем старше дочь становится моя,
Неся в крови бесценное наследство,—
Тем чаще маму вспоминаю я
Такой, какой ее увидел в детстве.
И трудно мне порою совладать
С желанием — вдруг снова стать ребенком,
К ней подойти и тихо молвить «мать»,
Лицом прижаться к пальцам, нежным,
ТОНКИМ...

А жизнь спешит... Бегут, летят года...
Гляжу на дочь тревожно и влюбленно...
Я словно ствол, связавший навсегда
Ветвистый корень с кроной разветвленной.

1969

ВСТРЕЧА НА ЭКРАНЕ

Сын в городе живет,
А мать в глухом селенье.
И к ней он погостить не приезжал давно...
Включила мать экран —
И вот через мгновенье
С экрана глянул сын, как будто бы в окно.
Читает сын стихи:
«О мать, перед тобою
Мне вечно быть в долгу! Пусть даже суждено
Жизнь за тебя отдать, но и такой ценою
Мне долг не оплатить — я знаю — все равно!»
А мать, не слыша слов,
Все всматривалась в сына:
«О, боже, как он худ! Морщинки возле глаз...
Он бледен, он устал... И в этом я повинна!»

И собираться в путь, вздыхая, принялась.

1970

ВОСПОМИНАНИЯ

Пусть бабочка, проворнее птенца,
Из рук рванется к солнечной поляне —
У нас на пальцах легкая пыльца
Останется, как свет воспоминаний.
Пусть осень землю выстелит листвою,
Пройдем по ней мы — и листва под нами
На миг промнется зыбкою тропой,
Похожей на наплыв воспоминаний...
Пусть на скрижалях знаков древних вязь
Безжалостными стерта временами,—
Вглядимся в них — и что-то дрогнет в нас,
И всколыхнется глубь воспоминаний.
Пусть солнце за лесистый склон зашло —
Но долго еще свет сквозит в тумане.
Пусть юность позади — ее тепло
Зажгло в душе очаг воспоминаний...
Воспоминанья, вы обрывки слов
Полузабытой песенки печальной,
Воспоминанья, вы дымки костров,
Вы ответ их, неяркий и прощальный.
Воспоминанья, вы тропинки гор,
Идущие сквозь темные теснины,
Вы — как ослепшего застывший взор,
Что видит лишь минувшего картины...

1970

ГАЛИЛЕЙ

Сказал он: «Вертится земля!» — и на смех поднят был,

Он это повторил — и смех угрозами сменился.
Во имя истины восстав, черту он преступил:
Ведь головой рискует тот, кто в догмах усомнился.
Твердил он: «Вертится земля!» — не верили ему.
Слывя безумцем у глупцов, смеялся над глупцами:
«Земле вращаться суждено всегда, и потому
Мы вместе с нею и на ней должны вертеться сами!»
Он молвил: «Вертится!» — и вмиг планета сорвалась
Со спин китовых и с рогов быков ветхозаветных.
Казалось, что земля сама, в пространстве утвердась,
Свое значенье поняла в толпе миров несметных.
Как будто бы со стороны увидев шар земной,
Его вращенья Галилей нашел и смысл и меру.
И ночь невежества рассек свет разума дневной,
И стали жалки и смешны зловещие химеры.
Сказал он: «Вертится земля, — вот правда, вот закон!»

Предвидел он, как прогремят слова простые эти:
И мир встревоженно гудел, открытjem потрясен,
И зашатались купола соборов и мечетей.
Как будто снова Иисус был распят на кресте,
Как будто подломились вдруг устои веры старой.
Явилась истина в своей могучей правоте,

И тучи грозные сошлись над папскою тиарой.
Сказал он: «Вертится земля!» — и брошен был
в тюрьму,
Дабы не смела мысль его к запретным высям
взвиться.

Допросы, пытку и костер готовили ему
Безжалостные палачи святейших инквизиций.
Он в каземате вспоминал и солнце, и цветы,
Свой телескоп, что наведен был в космос

первозданный,
И флорентийские сады, и римские мосты,
И мученический конец отважного Джордано.
Ему кричали: «Отрекись, безбожный еретик!»
И, пред судилищем представ, измучен заточеньем,
Он заявил: «Я буду чтить устав священных книг,
Но истину не отменить судом и отреченьем!»
Он чутким сердцем постигал далеких звезд полёт,
Он взором острым проникал сквозь небосвод
бездонный,
Со вздохом руку положив на темный переплет, —
— «А все же вертится она...» — шепнул он
убежденно.

Суров истории закон, нелегко правды путь...
Да будет славиться в веках, кто, жизни не жалея,
Во имя истины готов на эшафот шагнуть...
Хвала вам, светочи ума, хвала вам, Галилеи!
Хвала тому, кто сохранил достоинство и честь,
Кто поднял званье — «Человек», как боевое знамя.
Я снова вспоминаю вас, бессмертных двадцать
шесть.

Я снова голову свою склоняю перед вами.
Сквозь даль времен я вижу, как, исхлестанный
плетьюми,
Неколебимо веря в то, что всех даров дороже, —
«Один лишь бог есть — человек!» — воскликнул
Насими,

Когда мучители с него живьем сдирали кожу.
О Галилей! Не мне судить, как много сделал ты,
Какие проложил пути в познание и науке...
Твой подвиг для меня — пример душевной красоты,
Преодолевшей страх и мрак, глумления и муки!

1971

ДВА ПУТНИКА

Заметить мудрено, как год летит за годом:
В грядущее душа всегда устремлена...
Но жизни путь один свершает пешеходом,
Другой — как пассажир, смотрящий из окна.
Зной, стужа и дожди... Дороги жизни круты:
То камень, то песок, то вязкий плен земли.
И разная судьба, и разные маршруты
Тех, кто шагал пешком, и тех, кого везли:
Я жизнь прошел пешком, надеясь лишь
на крепость

Своих упрямых ног да на огонь души:
Он одолеть помог холодных бурь свирепость,
Он согревал меня в завьюженной глуши.
Машины, поезда, случалось, мчались мимо...
Я кожей испытал мороз, и снег, и зной.
А те, кто проезжал, от всех стихий хранимы,
Бывало, из окна махали мне рукой.
Кто путь проделал свой в купе или машине,
Едва ли разобрал, где спуск, а где подъем.
Но и его чело пересекли морщины
Печатью тех дорог, что я прошел пешком.
У едущих свои волненья и тревоги,
Под ровный гул колес сидит пассажир,
Меж тем как пешеход срастается с дорогой.
Прокладывает путь и постигает мир!

Да, только пешеход, ногами почву чуя,
Вкус жизни познает! Что пассажир пред ним?
Пусть скорость разовьет он самую большую,
Но к цели все равно придет путем кружным.
Да, жизнь понять дано тому лишь, кто оставил
На травах и песках глубокие следы,
Тому, кого вагон уютный не избавил
От пыли и росы, от ветра и воды.
Что смертен человек, мы от рожденья знаем,—
По-разному придет к двум путникам конец:
Один покинет мир, как вдумчивый хозяин,
Другой покинет мир, как временный жилец...

1972

Одно лишь не пойму: скажите, почему
При встрече с красотой так вспыхиваю страстно,
Что сверстником могу быть сыну своему?
Чем ближе вечер наш, тем краше мир пред нами...
Не так ли великан развесистый, лесной,
Чем старше, тем сильнее могучими корнями
Уходит в глубину, срастается с землей...

1972

ВОЗРАСТ

Пятнадцать было мне, и двадцать лет мне было...
Мне старостью тогда казались сорок лет.
Полвека скоро мне исполнится, но силы
Кипят в груди моей, и сердцем я не сед!
Как будто бы вчера я в школу шел тропинкой,
Горсть семечек зажав в ребячем кулаке,
Как будто бы вчера скакал на хворостинке
На свет грядущих зорь, мерцавший вдалеке...
Что мне под пятьдесят, поверить не могу я:
Как в юности, сильны желанья и мечты,
И душу, что горит, любя, скорбя, тоскуя,
Манят ковры равнин и горные хребты.
А разум мне твердит, следя за сердцем в оба,
Смеясь над суетой пустых надежд моих:
«Не ты ты прожил жизнь, чтоб юным быть до гроба,
Не так ты сладко спал, чтоб снов не знать дурных!»
Мне б в прятки поиграть, растаять в сизой дымке,
Забиться б в тишину далекого угла,
Такую бы надеть мне шапку-невидимку,
Чтоб старость на мой след вовек не набрела...
Но нет, не скрыться мне от пройденного мною,
И груз минувших дней мне вправе плечи гнуть!
Что сердце устает, мой возраст в том виною,
А не крутой подъем или неровный путь...
С юнцами в быстроте тягаться мне опасно.

СОДЕРЖАНИЕ

Лев Озеров. Вечность и мгновение . . .	3
Моя дорога. Перевод Г. Регистана . . .	11
Железнодорожник. Перевод А. Кронгауза .	14

ИЗ СБОРНИКА «РАЗДУМЬЯ»

Чинара. Перевод В. Кафарова	19
Отец и сын. Перевод Г. Регистана	21
Слова. Перевод Г. Регистана	23
Годы. Перевод В. Зайцева	24
Сердце. Перевод В. Зайцева	27
Весна. Перевод Г. Регистана	29
Часы. Перевод Г. Регистана	30
«Всегда и всюду я хожу в очках...» Перевод В. Кафарова	31
«Молчал поэт...» Перевод В. Кафарова . . .	32
«Я с цветами говорил...» Перевод Г. Регис- стана	33
«Ах, седины...» Перевод Г. Регистана . . .	34
Чувствую вращение земли. Перевод Г. Камен- ной	35

ИЗ СБОРНИКА «ВЫСОТА»

Ты и я. Перевод М. Павловой	39
Что такое счастье? Перевод Е. Елисеева . .	41
Разговор с врачом. Перевод М. Павловой .	44
Вокзал. Перевод Е. Елисеева	47
Святой прах имама Гусейна. Перевод В. Лу- гового	50
Славословие ночи. Перевод В. Лугового . .	52
«Радуга жизни моей...» Перевод В. Лугового	55
Стамбул. Перевод Е. Елисеева	56
Мечта продолжается. Перевод Д. Голубкова	58
Пантеон в Риме. Перевод Е. Елисеева . . .	61
Чайки. Перевод А. Кронгауза	65
Прошлое — будущее. Перевод Е. Елисеева .	66
Кибернетика. Перевод Е. Елисеева	67
Стих и я. Перевод Д. Голубкова	70
Кто мне враг? Перевод Е. Елисеева	73
Скорость. Перевод В. Кафарова	76
В самолете. Перевод В. Кафарова	78
«Взгляни — течение жизни...» Перевод В. Ка- фарова	80
Давай помедлим... Перевод В. Кафарова . .	81
Жизнь — горенье. Перевод Н. Гребнева . .	83
Письма. Перевод Н. Гребнева	84
Что годам!.. Перевод Н. Гребнева	86
Пожелтевшие листья. Перевод Н. Гребнева	88
«Порой мы без толку кричим...» Перевод В. Зайцева	90
«Сколько лет хочу прожить...» Перевод В. Зайцева	92
Земля. Перевод В. Зайцева	94
Всему — свой срок... Перевод А. Халдеева .	96
Непокой. Перевод А. Халдеева	97
Я старше! Перевод А. Халдеева	99
Долг. Перевод А. Халдеева	102
Начальник и Стол. Перевод Вл. Лифшица	103

ИЗ СБОРНИКА «ДЕВИЧЬЯ БАШНЯ»

«Какое ты пламя...» Перевод А. Ахундовой . . .	107
Баллада о времени. Перевод В. Лугового . . .	108
У карты мира. Перевод В. Лугового . . .	111
Четыре времени в сердце. Перевод А. Ахун- довой	112
В разлуке. Перевод В. Лугового	113
Стихи о Пиргулинской обсерватории. Пере- вод А. Ахундовой	115
Карусель. Перевод А. Ахундовой	122
Просторный школьный класс. Перевод В. Лу- гового	124
Горный поток. Перевод В. Лугового	127
Антенна. Перевод Л. Шерешевского	129
Чего-то не хватает... Перевод В. Лугового . . .	132
Ода разобщенности. Перевод В. Лугового . . .	135
Потерял... Перевод В. Лугового	138
Корень. Перевод А. Ахундовой	140
Полет. Перевод В. Лугового	141
«О мать моя!..» Перевод Л. Шерешевского . . .	145
Встреча на экране. Перевод Л. Шерешевского .	147
Воспоминания. Перевод Л. Шерешевского . . .	148
Галилей. Перевод Л. Шерешевского	149
Два путника. Перевод Л. Шерешевского	152
Возраст. Перевод Л. Шерешевского	154
Содержание	156

Вагабзаде Б.

- В12 Весна на вершинах. Стихи. Пер. с азерб.
Предис. Л. А. Озерова. М., «Худож. лит.» 1974.
160 с.

Бахтияр Вагабзаде — выдающийся азербайджанский поэт. Много места в его творчестве занимают темы современности. Поэт сравнивает течение и многообразие жизни с полетом реактивного лайнера. Не идеализируя старину, он в то же время живописует те ее стороны, которые связаны с нынешним расцветом его родины и всей страны Советов.

С(Азерб)2

В $\frac{70403-096}{028(01)-74}$ 119—74

Бахтияр Вагабзаде
ВЕСНА НА ВЕРШИНАХ
Стихи

Редактор Р. Р. Минна
Художественный редактор
В. Горячев
Технический редактор
Т. Таржанова
Корректор
А. Матюшина

Сдано в набор 10/X 1973 г. Под-
писано в печать 27/II 1974 г. Бума-
га машинно-мелованная. Формат
70×100¹/₃₂. 5 печ. л. 6,48 усл. печ. л.
4,612+1 вкл.=4,652 уч.-изд. л. Ти-
раж 10 000 экз. Зак. 222. Цена 46 коп.

Издательство «Художественная ли-
тература». Москва Б-78, Ново-
Басманная, 19.

Книжная фабрика «Жовтень» Рес-
публиканского производственного
объединения «Полиграфкнига» Гос-
комиздата УССР, Киев, Артема, 23а.

46 коп.

1
368.102